

М. Ланда

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Ланда Мальва Ноевна, родилась в августе 1918 в г.Одесса. Отец 1887 г.р., с 1926 - профессор, заведующий кафедрой патологической анатомии Саратовского Зоо-ветеринарного института; арестован органами НКВД в канун 1938, по-
мертно реабилитирован в 1957...

До школы жила в Москве и под Москвой, в Кузьминках; школьные годы прошли в Саратове. Лето часто проводила в той или иной деревне.

Моя гражданская позиция сложилась в раннем детстве; вокруг бродили толпы беспризорных; всей душой мне хотелось накормить, обогреть, обустроить этих обездоленных детей... Я "знала", что была Революция, что она принесла, или принесет благо всем обездоленным... В 10 лет я вступила в "ряды" юных пионеров, дала "торжественное обещание" "отдать жизнь за дело рабочего класса"; нас готовили "идти на смену старым утомившимся борцам, чтоб мировым зажечь пожаром..."; мы декларировали "Отцы, мы вам готовим смену, за нами лучший мир, отцы!...". А потом началась Первая Пятилетка - насильственная коллективизация, "раскулачивание", "ликвидация кулака...", и всеобщий голод, в деревне еще более ужасный, чем в городе. При этом "отцы" - коммунисты(большевики) нагло, бессовестно лгали, лгали газеты, радио, поэты и художники, советское кино и советский театр. Способы, которыми "отцы" строили "лучший" Новый мир казались бесчеловечными, преступными; их ложь была мне отвратительна. С течением времени все более определенными становились мои анти-советские, а несколько позже и антисоциалистические, и антикоммунистические взгляды и убеждения.

...Я поступила в Московский Геолого-разведочный институт, окончила его в 1945 (был перерыв, т.к. я родила сына, затем началась война..., эвакуация...). С 1939 по 1963 (с несколькими перерывами) я работала в геологических экспедициях, выезжающих из Москвы для производства геологической съемки, преимущественно мелкомасштабной: на Северном Кавказе, в Закавказье, в Средней Азии, Юж-

с осени 1971, когда после обыска меня лишили допуска к "секретным" материалам, реферировала статьи по аэрофотосъемке и космической съемке, публиковавшиеся в англоязычной периодике. В 1973 ушла на пенсию, по старости (Пришлось уйти, т.к. начальство Аэрогеологического треста было испугано вниманием КГБ к моей персоне).

С "диссидентами", преимущественно "правозащитниками", я встретилась в 1969; для меня было подлинным счастьем общение с этими замечательными людьми; жадно знакомилась с самиздатской литературой, сама участвовала в Самиздате: размножала (перепечатывала на пишущей машинке, которую приобрела специально для этого) наиболее ценную и интересную, по моему мнению, литературу, статьи, эссе, открытые письма, обращения; почти сразу же мне доверили перепечатку оригинала "Хроники текущих событий", выходившей под девизом "Движение за права человека в СССР продолжается"; ... расшифровывала тексты, переданные - с огромными трудностями и риском - из мест лишения свободы (Администрация этих мест тщательно следила за тем, чтобы никакая информация, никакие тексты, не прошедшие лагерную (или тюремную) цензуру не проникли за зону, за стены тюрьмы); кроме информации о положении заключенных, о преследованиях, об акциях протеста заключенных и т.п., были также копии приговоров, автобиографические очерки, статьи, эссе, стихи и поэмы. Перепечатала большой материал о крымских татарах, собранный в основном Петром Григорьевичем Григоренко, а также его статьи и выступления, свидетельствующие о его психической вменяемости (П.Г. был насильственно заключен в спец.псих.больницу); критические литературоведческие труды Леонида Плюща, также характеризующие его как вполне психически здорового человека (За "инакомыслие", за отказ идти на компромисс с КГБ, Л.Плюща поместили в спецпсихбольницу и "лечили" галоперидолом от "вялотекущей шизофрении"); печатала наброски автобиографических очерков моих друзей "диссидентов".

В сущности, каждый из тех, кого в этот период называли "диссидентом", - это бунтующий человек Альбера Камю: человек, которому глубоко безразлично не только нарушение его личных прав, неуважение к его человеческому достоинству, но также и в не меньшей степени - прав других людей; это человек, для которого безусловной ценностью является человек - человек как таковой и его свобода; свобода, ограниченная запретом на убийство, запретом на насилие над другими, на унижение и

оскорбление других. Каждый, кто позволил себе стать явным "диссидентом", отдавал себе отчет в том что "наградой" ему могут быть лишь репрессии, что именно он может стать очередной жертвой избирательно террора, что преследованиям могут подвергнуться также близкие и дорогие ему люди... Ему приходилось делать выбор; он поступал по долгу совести - ведь должен же кто-то... Мечь, обида и ненависть - не эти чувства побуждали его к деятельности.

С 1970-71 года я сама начала писать статьи, эссе; некоторые из них публиковались на Западе, что-то читали по р/с "Свобода". Многие из того, что я делала, было работой журналиста; но профессиональные журналисты в этот исторический период не занимались теми сторонами жизни, проблемами и темами, которых касалась я в своих репортажах. Я также особо подчеркивала то обстоятельство, что в Советском Союзе принципиально не признаются права человека; социалистическая (коммунистическая) система может быть только тоталитарной, и она несовместима с правами человека; человек в этой системе не является ценностью, попрание его прав и свобод вполне допустимо или даже желательно, когда это требуется "для пользы дела".

В мае 1976 я стала одним из девяти членов создавшейся тогда и возглавленной Юрием Орловым первой (в мире) Группы, основывающейся на заключенных в августе 1975 Хельсинкских Соглашениях; первоначальное название этой группы - "Группа содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР"; я сделала особое заявление (оно есть в "ХТС"): поскольку у меня нет сомнения в том, что руководители Страны не намерены выполнять Хельсинкские Соглашения, в частности и в особенности гуманитарные аспекты этих соглашений, то и содействовать тут нечему; однако я становлюсь членом Группы, т.к. это увеличивает возможности и эффективность разоблачения истинной ситуации с правами человека в СССР.

Преследования Группы начались в декабре 1976, почему-то с меня. От моего сына (он был преподавателем физкульты в МГУ); потребовали, чтобы он оказал "педагогическое" воздействие на меня, чтобы я прекратила деятельность в "нелегальной" "антисоветской" группе. Я написала об акции властей и о своей позиции, и передала это заявление корреспондентам; через две недели в моей квартире (комнате в ком.квартире) произошел таинственный пожар; меня привлекли к уголовной ответственности за нанесение убытков государству, приговорили к ссылке, а также к выплате этих убытков (три тысячи рублей; их вычитали из моей пенсии). Затем были обыски у членов Группы, газетная кампа-

ния, аресты... Но Группа сохранилась (в нее вошли несколько новых членов), и продолжала свою плодотворную деятельность. Вероятно, московские диссиденты, их встречи с западными корреспондентами, нужны были КГБ для создания иллюзии наличия в СССР некоторых свобод, т.е. использовались как "потемкинские деревни".

В первой ссылке, в Забайкалье, я пробыла всего восемь месяцев: мне неожиданно объявили амнистию. Вернувшись, я оказалась без жилья и - что, пожалуй, не менее важно - без прописки: я лишилась "права" на комнату, в которой проживала раньше, т.к. отсутствовала более шести месяцев. В конце концов - благодаря помощи друзей - я приобрела часть избы в городке Петушки Владимирской области.

Я продолжила деятельность в Группе до своего ареста в начале 1980. На этот раз мне было предъявлено обвинение по ст.190 прим: "Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй", "клевета" на строй.

Правоохранительные органы настойчиво предлагали мне прекратить "деятельность" - надо только дать обещание, они мне поверят, и - оставят меня в покое. (Намекали также на желательность моего выезда в Израиль). В противном случае грозили самыми ужасными карами, в особенности пожизненным заключением в психбольнице. Никаких обещаний я не давала, вообще не беседовала с ними ни на эту, ни на другие темы; во время допросов, не отвечая на вопросы следователя, молча выслушивала его монологи. Однако меня приговорили всего лишь к ссылке, что считается самым легким наказанием; и для меня оно действительно было легким. Однако со стороны Власти это было не проявлением гуманности, а нежеланием вызвать излишнее возбуждение международной общественности: меня тогда довольно хорошо знали многие западные корреспонденты.

Я была автором и со-автором ряда документов Группы Хельсинки, составленных с июня 1976 по июнь 1977 и с марта 1978 по январь 1980. В их числе документ N 3, июнь 1976, - материал о положении политзаключенных; в том же году он был опубликован Международной Амнистией.

И в ссылках, и по освобождении я изредка писала статьи, эссе; некоторые из них публиковались в газете "Русская мысль", возможно также где-нибудь еще (кажется, в сборнике издававшемся "Чалидзе-пресс" в США), они читались по р/с "Свобода". Так, в мае 1979 я закончила статью - результат моего журналистского расследования: по сфабрикованному КГБ обвинению в совершении террористи-

ческого акта (взрыв в московском метро 8 января 1977) были приговорены к высшей мере три молодых человека - Степан Затилян, Багдасарян и Степанян (Предельно краткое сообщение об этом помещено в "Правде" от 31 января 1979). Даже ближайшие родственники не знают был ли суд; в Москве, в тюрьме им дали последнее свидание с приговоренными...

Из ссылки в Казахстане мне удалось переправить (вся моя корреспонденция перлюстрировалась) эссе "Совершенно прекрасный человек" для сборника, посвящающегося 60-летию А.Д.Сахарова, находившегося тогда в изгнании в Горьком. Этот сборник был опубликован в конце 1980-х в СССР.

Несколько статей (между 1978 - 1989) о незаконно и несправедливо выброшенном из колхоза (Белоруссия, Витебская обл., с.Верхнее, расположено у тракта Минск - Москва) и оказавшемся на обочине жизни потомственным крестьянине Иване Карейше 1938 г.р. (Отец и ближайшие родственники погибли в Великой Отечественной); в каждой статье рассказывается о все новых мытарствах, новых преследованиях Ивана, в числе которых и заключение в психбольницу - "будешь жаловаться, опять к нам попадешь", объяснял ему главврач, - и год лишения свободы "за тунеядство" (У Ивана вырезана часть желудка и поджелудочной железы, однако его изолировали, чтобы не сказал чего лишнего иностранцам, проезжающим по тракту на Олимпиаду-80)... Статьи читались по "Свободе". Одну из последних статей попыталась передать в "Огонек", редакция отказалась принять: таких случаев слишком много.

Конец 1985 - начало 1986. Лицам, имеющим судимость, каждому в отдельности, зачитывается Указ, запрещающий приближаться к Москве. Меня тоже привели в милицию, объявили Указ и потребовали расписку - обязательство не приближаться к Москве. Я написала статью: в нашей стране около половины всего населения имеет судимость. "Свобода" читала эту статью, после чего меня приводили в прокуратуру, где со мной беседовал прокурор и некто в штатском, пытались принудить меня отказаться от авторства, убеждали, что написанное ^{МАСУ} ~~всё~~ - клевета.

В начале декабря 1986 в тюрьме города Чистополя погиб замечательный человек, узник совести Анатолий Марченко, 1937 г.р. С августа 1986 он держал бессрочную голодовку с целью привлечь внимание участников проходившей тогда Встречи представителей государств-участников ХС к положению политзаключенных СССР. Сочинения Марченко, его книга "Мои показания", "От Тарусы до Чунь" и другие были широко распространены в Самиздате и опубликованы на Западе. Западные

масс-медиа уделяли личности Марченко и его гибели большое внимание. Но, когда через неделю Горбачев разрешил А.Д.Сахарову вернуться из изгнания в Москву, - все средства информации повернулись в сторону Сахарова и его освободителя. Именно тогда я написала эссе, посвященное Анатолию Марченко; однако я пишу здесь и о том, что имидж Горбачева, созданный благодаря его жесту, а также благодаря тому, что его теперь поддерживал Сахаров - не соответствует подлинному лицу Горбачева.

Осенью 1987 мне предложили подписать декларацию "Группы Доверия". Я написала статью: "Почему я не подписываю ...": Группа ратует за доверие к советскому человеку, но этот человек не только часто является жертвой обмана, но, в свою очередь, со-участвует в обмане окружающего мира. Группа выражает намерение добиваться соблюдения Советской Конституции; я показываю, что эта конституция несовместима с основными правами человека.

В 1988-89 ко мне неоднократно поступали материалы о событиях в Азербайджане, в Нагорном Карабахе и в Армении. Я размножала (на пишущей машинке) эти материалы; написала несколько статей: у меня не оставалось сомнения в том, что ~~это~~ межнациональные конфликты, в том числе антиармянские погромы в Сумгаите (конец февраля 1988), в Баку (январь 1989) и в других городах Азербайджана, массовое выселение азербайджанского населения сельских местностей Армении и т.д. - преднамеренно спровоцированы центральным руководством, по всей вероятности, с целью запугать армян, которые начинали проявлять гражданскую активность и солидарность (не проявляя при этом никакого экстремизма, в котором их сразу же начали обвинять советские масс-медиа), усугубить межнациональную вражду (существенным вкладом в которую являлось варварское выселение азербайджанцев, осуществляемое местными районными властями, что не могло происходить без попустительства Центра); была "употреблена власть" и в отношении азербайджанцев: нашествие советских вооруженных сил на Баку в январе 1989. В дальнейшем конфликт перерос в настоящую армяно-азербайджанскую войну.

Эссе дискуссионного характера (лето 1989): я не соглашусь с автором статьи (Г.Померанц, ж. "Век XX и мир"), призывающим чтить наших "отцов", совершивших Революцию и заложивших фундамент нашего социалистического будущего, не вижу оснований для противопоставления Ленина - как носителя доброго начала - Сталину, представляющему абсолютное зло; вижу в Сталине продолжа-

теля дела Ленина. Не могу согласиться и с тем, что декларируемая Горбачевым гласность очистила атмосферу (хотя он и выпустил джина свободы из бутылки).

Последние годы я изредка писала статьи, эссе, некоторые из них публиковались в газ. "Русская мысль"

В 1989 провела два месяца во Франции, где мне довелось встретиться и познакомиться со многими очень интересными людьми (французами), которые стали моими друзьями; мой друг Бертран, 1945 г.р., прошел длинный путь эволюции, от увлечения Лениным, Мао и Че Гевара до понимания принципиальной деструктивности насильственной революции, а также и того, что демократический социализм, также как и социализм с человеческим лицом - нонсенс. Благодаря Бертрану познакомилась с участниками Сопротивления, с бывшим коммунистом, ставшим в 1937 узником сталинских лагерей (по возвращению во Францию в конце 1950 он отказался возобновить членство в компартии), с пожилым либералом, ветераном войны с нацистской Германией, долгое время видевшем в СССР нечто вроде земли обетованной, а теперь увидевший в Горбачеве освободителя. Всех моих новых французских знакомых, от очень молодых до весьма пожилых, живо интересовало происходящее в нашей стране; в Западной Франции, (г.Ренн) телевидение и газета ("Вест Франс") взяли у меня большие интервью, провела урок истории со старшеклассниками гимназии.

С декабря 1992 по май 1993 жила в Грозном (помогала ухаживать за матерью моего друга Павла Б., отважного чемпиона человеческих прав и свобод, подвергавшегося по этой причине бесчисленному множеству жестоких преследований); могу свидетельствовать о человеческом достоинстве "рядового" чеченца, мужчины и женщины, о приверженности к традициям предков и о спокойном, доброжелательном отношении к "лицам некореной" для Чечни национальности, к русским, русскоязычным. Конечно, в городе был бандитизм, многие молодые и немолодые люди ходили по городу с ружьями. Но криминогенность в Грозном, ~~пожалуй~~ сопоставима с таковой в Москве. Джахар Дудаев неоднократно выступал по местному телевидению; он был мне глубоко несимпатичен. В последние полгода я подписала, а также являюсь автором и со-автором ряда обращений, в которых акции российских вооруженных сил в Чечне (Ичкерии) рассматриваются как глобальное преступление, - серия преступлений перед человечностью и человечеством, сопоставимых с самыми ужасными преступлениями и сталинского времени, и нацистской Германии, а также с преступлениями "ограниченного контингента"

советских войск в Афганистане.

С июня 1993 по ноябрь 1994 работала киоскером в киоске "Экспресс-Хроники", расположенным у Пушкинской площади; здесь я имела возможность вести обширные социологические наблюдения.

В ссылке и по возвращении из ссылки, вплоть до настоящего времени я довольно много времени уделяю переводам интересующей меня англоязычной литературы по вопросам индивидуальной и социальной психологии, литературы, касающейся происхождения фашизма (в основном, националсоциализма) и его практики, и литературы исторической.